

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДВОЙНИКИ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

А. А. Фаустов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 мая 2019 г.

Аннотация: в статье делается попытка наметить семиотические контуры литературного двойничества. Двойники определяются как два персонажа, обладающие абсолютным телесным сходством, которое они взаимно удостоверяют. Фигура двойника противопоставляется, с одной стороны, копии (клону), а с другой — призраку. В первом случае основанием для сравнения выступает то, что внешность и имя субъекта перестают выполнять идентифицирующую функцию; во втором случае — то, что отношение между «парными» субъектами является асимметричным. Соответственно, дифференциальным признаком в первом случае служит то, что копии (клоны) наделены совпадающей личной идентичностью и потому могут быть различены лишь по их положению в пространстве-времени; во втором случае — то, что призраки лишены референтной стабильности. В целом мир, в котором возможны двойники, можно назвать омонимическим, а точнее — таким, в котором преодоление семиотического тождества двух персонажей осуществляется, как правило, за счет устранения или исчезновения одного из них.

Ключевые слова: двойник, копия (клон), призрак, изображение, семиотика, референт, индекс, персонаж, идентичность, имя собственное, омонимия.

Abstract: the article attempts to outline semiotics contours of literary doubleness (twinning). Doubles are defined as two characters possessing absolute corporal similarity which they mutually prove. The figure of a double is opposed, on the one hand, to a copy (clone), and, on the other hand, to a phantom. In the first case, the basis for comparison is that the appearance and the name of the subject abandon the identifying function; in the second case, the ground for collation is that the relationship between «twin» subjects is asymmetric. Accordingly, the differential characteristic, in the first case, is that copies (clones) are endowed with conterminous personal identity and consequently can be distinguished only by their space-time position; in the second case, is that phantoms forfeit referential stability. Upon the whole the world, in which doubles are probable, one can regard as homonymic; to be more exact, the one wherein the surmounting of semiotic identity of two characters is carried out, as a rule, at the expense of removal or disappearance of one of them.

Keywords: double (Doppelgänger), copy (clone), phantom, image, semiotics, referent, index, character, identity, proper name, homonymy.

Со времен знаменитой работы О. Ранка «Двойник» (1914) фигуре двойника и феномену двойничества в литературе и искусстве (особенно в киноискусстве) было посвящено огромное, теперь уже с трудом поддающееся даже простому учету количество исследований (см., к прим.: [1], [2], [3]). И одна из основных проблем, которая обнаруживается даже при беглом знакомстве с ними, состоит в осязаемом разбросе мнений о том, кого, собственно, следует считать двойниками. Причем, добавим, такая размытость предмета наблюдается не только в разысканиях теоретического, типологического характера. К примеру, в литературе о Ф. М. Достоевском общим местом является тезис о тотальном принципе двойничества, которому подчинены взаимосвязи между героями, населяющими вымышленный мир писателя. Между

тем, если мы обратимся к лексике, то выяснится, что само слово «двойник» Достоевский использует только в трех художественных произведениях — в одноименной повести (1846, 1866), в романе «Подросток» (1875) и в «Сне смешного человека» (1877). Неудивительно поэтому, что регулярно предпринимались попытки так или иначе отграничить тему двойника от пересекающихся с ней тем (ср. обзор таких подходов: [4; 11–22]). В настоящих конспективных заметках мы продолжим эти попытки, сосредоточившись преимущественно на семиотической стороне вопроса, которая, насколько можно судить, до сих оставалась в тени (ср. наиболее важные для нас работы, развертывающиеся, впрочем, за исключением статьи Л. Долежелы, скорее в философской плоскости: [5], [6], [7]).

Под двойниками, в строгом смысле этого слова, мы будем понимать двух персонажей, обладающих абсолютным (или почти абсолютным) сходством, которое они взаимно удостоверяют (и которое признают другие). Соответственно, с точки зрения нарративной,

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23008

почти обязательным элементом событийной канвы «двойнического» текста должна быть встреча таких персонажей. Если принять эти критерии, то из числа популярных произведений, обычно фигурирующих в реестрах аналитиков двойничества, должны быть вычтены «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона (1886) и «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда (1891). Во-первых, ни в одном, ни в другом двойников как отдельных, самостоятельных антропоморфных референтов нет. А во-вторых, отношение между двумя трансформами героя Стивенсона и между героем Уайльда и его портретом основывается не на сходстве, а на противоположности. Кроме того, не менее существенен признак взаимного удостоверения (в этих произведениях, естественно, не работающий). К примеру, в «Отчаянии» В. В. Набокова (1930) рассказчик встречает героя, которого принимает за своего двойника, но который в действительности не имеет с ним никакого подобия.

Говоря о сходстве, нужно уточнить, что речь идет о зримом, внешнем, телесном тождестве. Если следовать общему направлению мысли П. Ф. Стросона, то можно сказать, что по отношению к соматическому и ментальному, к «телу» и «душе» в структуре индивидуальности логически первичным, поддерживающим их единую субъектность выступает *person*, *персона* [8; 87–116] (*лицо* — в русском переводе [9; 98–130]). Так вот, случай двойника вносит в эту конфигурацию фундаментальный дисбаланс, ставя под сомнение статус персоны и тем самым расщепляя индивида на «тело» и «душу». Соматическое в результате превращается в простую оболочку, в одежды «души», которые больше с ней внутренне не сопрягаются. Показательно, что в романе Жан-Поля «Зибенкэз» (1796–1797), в котором, как известно, и было изобретено слово «двойник» — «Doppeltgänger» (с буквой *-t-* посередине, впоследствии выпавшей), телесный облик друзей-двойников рисуется как раз с помощью иронической «гардеробной» метафоры. А в пьесе Ж. Жироду «Амфитрион — 38» (1929) есть целая сцена, в которой Меркурий советует Юпитеру, принявшему вид Амфитриона, сделать кожу для вящего правдоподобия более грубой и ушить ее, чтобы она не болталась, как на вешалке, а сам Юпитер жалуется на то, что чувствует себя в теле смертного губкой, пропитанной кровью.

То, как в «двойническом» тексте соотносятся между собой соматическое и ментальное у «парных» персонажей, является факультативным, хотя едва ли не единственное произведение, где двойники оказываются подобны друг другу и внешне, и внутренне, — это как раз «Зибенкэз». Обычно же соматическое сходство таких персонажей сопровождается их ментальным различием, вплоть до демонстрации полного антагонизма. Но так или иначе зримое в двойнической ситуации перестает выпол-

нять свою идентифицирующую функцию. И этот сбой непосредственно перекликается с тем, как ведут себя в «двойническом» тексте собственные имена.

В нормальном случае внешность и имя индивида как бы дублируют, корректируют друг друга, обеспечивая успешность узнавания. Если прибегнуть к терминам Ч. С. Пирса (не связывая себя жестко его классификацией знаков), то имя — в качестве орудия референции, а не элемента ономастикона — можно определить как индексальный синсигмум, как указательный единичный знак. Одно и то же имя может быть использовано для обозначения разных индивидов, а вернее — разных персон, лиц (и в этом смысле собственное имя — общий знак, легисигмум), но в акте референции оно обретает свою сингулярность. Сложнее дело обстоит с истолкованием внешности, которая сама по себе как будто бы не является знаком. Однако мы можем утверждать, что неспециализированную семиотическую миссию внешность все же выполняет, будучи своеобразным индексом, указывающим на то единичное лицо, чьим и только чьим «телом» он служит. Такого рода знак можно интерпретировать как индексальный квалисигмум, как фиксацию некоего уникального качества: внешность никогда в точности не совпадает с собой, но, изменяясь в некотором диапазоне, тем не менее сохраняет с собой равенство.

Двойническая ситуация, расшатывающая всю эту цельную конструкцию, приводит к тому, что внешность изолируется, отчуждается и, вместо того чтобы отсылать к единственно возможному лицу, начинает свидетельствовать лишь об одном — о существовании двух целиком подобных для взгляда персонажей. Такая десемантизация, такое предельное овеществление соматического рикошетом воздействует и на поведение собственных имен. Проблематизация лица оборачивается тем, что имя теряет способность обозначать его, но не получает взамен способности указывать на «душу» индивида. Кооперация имени с внешностью закрывает для него такой запасной путь, отклоняя ономастическую референцию от «души» к «телу» и при этом не давая ей до конца совершиться, предъявляя ей не один «мешок из кожи» (по выражению А. Уотса), а два. Наличие двойников, иными словами, не позволяет имени воплотиться из легисигмума в полноценный синсигмум.

Нужно уточнить, что такой захват имени «телом» в конкретных «двойнических» произведениях может происходить по-разному. В большинстве из них «парные» персонажи носят одинаковые имена, и в таких произведениях, как «Вильям Вильсон» Э. А. По (1839) или «Двойник» Достоевского, одноименность тематизируется как приложение к соматической тождественности (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Но иногда у двойников могут быть несовпадающие имена (в том числе в творчестве Э. Т. А. Гофмана), что порождает особые связанные

с ономастикой стратегии, которые здесь мы рассматривать не будем и которые в целом строятся на приеме *qui pro quo*. Сошлемся лишь на жан-полевского «Зибенкэза», где друзья-двойники сначала намереваются избрать имя одного из них в качестве общего, а затем решают обменяться своими именами. В итоге автор будет вынужден санкционировать этот обмен и даже озаглавить роман «уворованным», а не исконным именем центрального героя, который должен был бы зваться Лейбгебером (добавим, что по-немецки *Leibgeber* буквально — что-то вроде *давателя тела*).

Коллеблющийся статус имени собственного в двойнической ситуации становится предметом специальной рефлексии в книге А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) (в которой, напомним, слово «двойник» и получило прописку в русском языке). Явившийся к рассказчику вполне дружественный двойник на вопрос о его имени ответит так: «...у меня нет собственного имени; а если б непременно нужно было принять какое-нибудь, то ближе всего мне следовало бы называться так, как вы» [10; 10]. У двойника Погорельского есть своя соматическая оболочка и своя, отдельная от рассказчика биография, но нет никакого своего, особенного имени. И выход из этого референциального тупика *alter ego* рассказчика усматривает в том, чтобы довольствоваться таким именем, которое как таковое вообще должно быть квалифицировано (в пирсовской терминологии) не как индекс, а как символ, конвенциональный знак: «В Германии <...> нашу братаю называют *Doppeltgänger*. <...> но так как у нас иностранных слов, говорят, уже слишком много, то я осмелюсь предложить называть меня Двойником» [10; 11]. Имя тут радикально генерализуется, превращается в родовую категорию, под которую может быть подведен любой представитель «братья» двойников, приобретающий тем самым право претендовать на соответствующее имя как на субститут «нулевого» имени собственного. В результате возникает новый парадокс: соматически различные двойники — двойники разных индивидов — ономастически оказываются неразличимыми.

В другом развороте вызываемые двойничеством трудности с референцией разыгрываются в истории Амфитриона, как она запечатлена в драматургии: от комедии Плавта «Амфитрион» (между 188 и 184 до н.э.) — до «Амфитриона» Г. фон Клейста (1807). (История эта, впрочем, является двойнической в особом — маскарадном, притворном — изводе: двойники в ней — боги, которые на время оделись в костюмы людей.) Ономастическая кульминация истории приходится на эпизод, когда Сосий (Созий) — слуга Амфитриона — рассказывает своему господину о том, как он, отправившись с поручением к Алкмене в хозяйский дом, был поколочен самим собою (то есть Меркурием, облачившимся во внешность

Сосия и присвоившим его имя). Ограничимся лишь одной репликой (в версии Клейста), в которой герой говорит о своем обидчике так: «...ich! Nicht dieses Ich von hier, // Doch das vermaledeite Ich vom Hause...» [11; 56] (в достаточно точном русском переводе: «...Я. Не это Я, что здесь, // Другое Я, проклятое, из дома...» [12; 208]). Двойничество подрывает референциальность не только имен, но и таких идеальных индексов, как местоимения (Ч. С. Пирс тонко заметил, что «...имя является несовершенным субституту местоимения» [13; 209]). Поэтому, чтобы восстановить возможность идентификации, в подобных условиях оказывается необходимым прикреплять к личному местоимению «Я» добавочные шифтеры и слова, контекстуально играющие роль шифтеров (*von hier* или *vom Hause*), которые должны локализовать место такого «Я» в пространстве-времени.

Иначе говоря, и роман Погорельского, и история Амфитриона обнаруживают одну общую тенденцию «двойнического» текста, которую можно назвать ослаблением индексальности. И такое ее отрицание объясняется, в конечном счете, тем, что двойнический мир — в метариторическом плане — принадлежит к омонимическому типу миров, в которых означающих меньше, чем референтов (о типологии метатропов см.: [14]). Но это омонимичность особого рода. С одной стороны, она не подразумевает непременно сближения означаемых. Двойники — это ментально различные персонажи, обладающие личной идентичностью, и если бы они всегда придерживались правила коммуникативной искренности и удостоверяли свою идентичность, то, несмотря на сходство внешности и возможное совпадение имен (или даже относящихся к персонажам личных местоимений), референция к таким индивидам была бы более успешной. Последовательно реализованная омонимичность дает фигуру не двойников, а копий (клонов), которые тождественны и ментально, а потому могут быть различены исключительно по их положению в пространстве-времени. Так что в мире клонов идентифицирующую функцию могут выполнять только вспомогательные шифтеры.

С другой стороны (и это еще более существенно), под влиянием двойничества омонимичность отчасти изменяет свойственную ей логику обозначения референтов. В обычном варианте омонимия (в отличие, к примеру, от метафоры) симметрична. Двойничество же поляризует ее, делает асимметричной, что можно выразить с помощью утверждения: я — не двойник моего двойника (см. о подобных операциях как основе для построения актантных моделей: [15]). С такой точки зрения тождество индексов у двойников оказывается как будто бы до известной степени условным, мнимым. Если двойники — это А и В, то принципиальный вопрос, кто из них чей двойник. Если А — подлинник, а В — двойник, то В выступает по отношению к А в качестве его персо-

нифицированного иконического знака. В романе Погорельского двойник так и аттестует себя перед рассказчиком: «...я не кто иной, как образ ваш, явившийся вам» [10; 10]. Но тогда использование добавочных шифтеров выглядит не вынужденным, аварийным средством, а способом узаконить такое положение вещей. Если I — это любой из индексов (внешность, имя или личное местоимение), то они должны быть снабжены подобными шифтерами и применительно к А мы и обязаны говорить о I_a, а применительно к В — о I_b.

В такой перспективе ближайшими родственниками двойников должны считаться призраки (в одной из двух их главных разновидностей — см. об этом: [16]), а чуть более дальними — вообще изображения: зеркальные, проекционные, живописные, кинематографические и т.д. И призраки, и изображения — иконические знаки тех или иных референтов, только призраки еще являются референтами и сами по себе (с минимизированной и нестабильной телесностью), а кроме того, иногда могут обладать «душой» того референта, знаком которого они служат, или редуцированным подобием самостоятельной «души». В таком градационном ряду двойник — это своего рода окончательно вочеловечившийся и обретший полную автономию от своего референта-подлинника призрак или даже испытывавшее сходные метаморфозы изображение. Примерами последнего в «двойническом» тексте могут быть «Тень» Г.Х. Андерсена (1847), «Человек из зеркала» Ф. Верфеля (1920) или «Венецианское зеркало...» А.В. Чаянова (1922).

До тех пор, пока мы рассматриваем двойников по аналогии с призраками и изображениями, идентифицирующая референция остается технической семиотической проблемой. Будучи прежде всего знаками, ни изображения, ни даже призраки поменяться местами со своими референтами не могут. Но двойники (в том числе воплотившиеся изображения) — это, напротив, в первую очередь референты, актанты и лишь по совместительству — знаки. И именно это создает почву для возможных рокировок между персонажем-подлинником и персонажем-двойником и для того, чтобы референция в результате получила характер роковой и почти неразрешимой задачи. Ключевые двойнические коллизии сводятся к тому, что двойники не хотят быть двойниками или не желают признаваться в своей «вторичности» (для чего и пускают в ход ту самую коммуникативную неискренность, о которой мы упоминали выше). Событийно это проявляется в том, что между подлинником и двойником возникает конфронтация, зачастую завершающаяся устранением (или вытеснением на периферию рассказываемой реальности) одного из них либо оборачиванием асимметрии в пользу двойника — подчинением ему подлинника. Причем иногда причины поражения напрямую связываются с затрудненностью личной идентификации. Так,

в стихотворении А. фон Шамиссо «Явление» (1828) двойник предложит своему визави выяснить, кто из них двойник, и лирический субъект-подлинник должен будет согласиться с тем, что двойник — это он.

По большому счету, однако, здесь можно усмотреть более общую закономерность «двойнического» текста. Даже в тех редких произведениях, где явная двойническая асимметрия отсутствует (как в жан-полевском «Зибенкэзе» и отчасти в «Двойниках» Гофмана (1822)) или же где, наоборот, двойник вполне принимает свою «вторичность» (как у Погорельского), события развиваются так, что один из «парных» персонажей удаляется со сцены. Сюжетно разоблачая себя как аномалию, двойничество смещает самые основы омонимического мира. Там, где нормой должен был бы быть перевес референтов над означающими, оно утверждает свой императив — сокращения, вычитания «лишних» персонажей. И в этом смысле можно сказать, что тайным идеалом «двойнического» текста является мир без двойников, мир, где омонимия запрещена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Herdman J. The double in nineteenth-century fiction / J. Herdman. — London: Macmillan Press, 1990. — 174 pp.
2. Forderer C. Ich-Eklipsen: Doppelgänger in der Literatur seit 1800 / C. Forderer. — Stuttgart; Weimar: J. G. Metzler, 1999. — 284 Seiten.
3. Bär G. Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm / G. Bär. — Amsterdam; New York: Rodopi, 2005. — 718 Seiten.
4. Fröhler B. Seelenspiegel und Schatten-Ich. Doppelgängermotiv und Anthropologie in der Literatur der deutschen Romantik / B. Fröhler. — Marburg: Tectum Wissenschaftsverlag, 2004. — 376 Seiten.
5. Doležel L. Le triangle du double / L. Doležel // Poétique. — 1985. — № 64. — P. 463–472.
6. Webber A. J. The Doppelgänger: Double Visions in German Literature / A. J. Webber. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — 392 pp.
7. Vardoulakis D. The Doppelgänger: literature's philosophy / D. Vardoulakis. — New York: Fordham University Press, 2010. — 329 pp.
8. Strawson P. F. Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics / P. F. Strawson. — London; New York: Routledge, 1996. — 255 pp.
9. Стросон П. Ф. Индивидуы. Опыт дескриптивной метафизики / П. Ф. Стросон / пер. с англ. В. Н. Брюшинкина, В. А. Чалого. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. — 328 с.
10. Погорельский А. Сочинения. Письма / А. Погорельский. — СПб.: Наука, 2010. — 755 с.
11. Kleist H. von. Amphitryon / H. von Kleist. — Dresden: C. G. Gärtner, 1807. — 184 Seiten.
12. Клейст Г. фон. Амфитрион / Г. фон Клейст / пер. с нем. А. И. Оношкович-Яцына // Клейст Г. фон. Избран-

ное. — М.: Худож. литература, 1977. С. 177–278.

13. Пирс Ч. С. Избр. произведения / Ч. С. Пирс. — М.: Логос, 2000. — 448 с.

14. Фаустов А. А. О метатропах: попытка систематизации / А. А. Фаустов // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2018. № 4. — С. 5–8.

15. Фаустов А. А. Об актантных формациях Ф. М. Досто-

евского: введение в тему / Фаустов А. А. // Универсалии русской литературы. 7. / под ред. А. А. Фаустова, М. Фрайзе. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. — С. 155–174.

16. Фаустов А. А. «Призраки» Тургенева в призракологической перспективе / А. А. Фаустов // И. С. Тургенев: текст и контекст: Коллективная монография / под ред. А. А. Карпова, Н. С. Мовниной. — СПб.: Скрипториум, 2018. — С. 106–117.

Воронежский государственный университет

Фаустов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы

E-mail: aafaustov@list.ru

Voronezh State University

Faustov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the History and Typology of Russian and Foreign Literature Department

E-mail: aafaustov@list.ru